

— Не ходи туда. Дальше нельзя.

Чья-то рука вцепилась в его запястье мёртвой хваткой, до боли, до хруста. Цзи Линьсюэ резко обернулся и встретился взглядом с Гу Хэнчжи. Тот молча, одними глазами, качнул головой, и в призрачном свете одинокого фонаря, с трудом пробивающемся сквозь густую листву, лицо его казалось высеченным из холодного, безжизненного камня.

— Там дальше фонарей нет, — голос его звучал глухо, придушенно, но в нём чувствовалась несгибаемая, стальная твёрдость. — В такой темноте идти нельзя. Это верная смерть. Сначала вернёмся, найдём людей.

Цзи Линьсюэ не отрываясь смотрел на чёрный, зияющий провал в стене, на эту бездонную, всасывающую в себя свет дыру, которая только что поглотила маленького, беззащитного мальчика. Губы его дрогнули, но он заставил себя говорить ровно, хотя каждый звук давался с невероятным трудом.

— Иди. Найди кого-нибудь. Я скоро.

Он не мог, просто не имел права произнести вслух то, что сейчас творилось у него в душе, какой вихрь эмоций разрывал её на части. Он не ожидал, что ключевой момент сюжета, тот самый роковой, судьбоносный поворот, о котором он читал в книге, затаив дыхание, наступит так быстро, так внезапно, так чудовищно, так безжалостно.

Раньше, погружаясь в роман, он никак не мог понять логику автора. Почему Гу Хэнчжи, которого все вокруг считали нелюбимым, отвергнутым, забытым сыном, которого родной отец, казалось, и за сына-то не считал, вдруг оказывается похищен? Почему враги Гу Фэнъяня, прекрасно осведомлённые обо всех семейных раскладах, обо всех хитросплетениях ненависти и равнодушия, выбрали именно его, а не драгоценного, всеми обожаемого, выхоленного и опекаемого Гу Цзыси? И почему в результате этого похищения Гу Хэнчжи навсегда остался хромым, на всю жизнь прикованным к боли и чужой жалости?

Теперь, глядя в эту чёрную, разверзшуюся пасть, сжимающуюся вокруг его горла, как тугая, безжалостная удавка, он понял всё. Понял с кристальной, ослепительной ясностью.

Гу Хэнчжи не был тем, кого похитили. Он был тем, кто пришёл спасать. Бросился в самое пекло, в кромешный ад, даже не думая о себе, даже не взвешивая риски, чтобы вытащить из этого ада этого маленького, надоедливое, вечно путающегося под ногами, но такого родного, такого бесконечно дорогого брата.

Он говорил, что ненавидит его. Он гнал его прочь, швырял в лицо ледяные, жестокие, убийственные слова, возводил между ними стены из колючей проволоки. Но когда пришла настоящая беда, когда запахло смертью, он, не колеблясь ни секунды, шагнул в темноту, откуда нет возврата. Какое же чудовищное, нелепое, до крика разрывающее сердце противоречие.

Гу Хэнчжи не знал, о чём думает Цзи Линьсюэ, да и не мог знать, да и не хотел, наверное. Он видел только одно: впереди, за этой рваной дырой в стене, — верная западня, смертельная ловушка, и он ни за что, ни под каким предлогом, даже под страхом смерти, не позволит этому странному, непостижимому, упрямому до безумия парню шагнуть туда одному.

— Идём вместе, — отрезал он, и это прозвучало не как просьба, не как мольба, а как приказ, не терпящий возражений, как удар хлыста.

Цзи Линьсюэ покачал головой — коротко, решительно, но Гу Хэнчжи даже бровью не повёл, стоял на своём, незыблемый, как скала, как утёс, о который разбиваются волны.

Они застыли друг напротив друга в этом тягучем, вязком, как патока, напряжённом молчании. Секунды тянулись, превращаясь в минуты, и казалось, это безмолвное противостояние может длиться вечность. Но Цзи Линьсюэ сдался первым. Он устало, обречённо выдохнул, и на губах его появилась горькая, измученная, почти несчастная улыбка.

— Хорошо, — прошептал он одними губами. — Идём. Вместе.

Гу Хэнчжи, словно боясь, что тот передумает, сбежит, растворится в темноте, ещё крепче, до онемения, сжал его руку и почти силой потащил за собой назад, к спасительному свету.

Они выбрались из сада, из этого душного, влажного плена, и тут же, словно из засады, на них налетела обезумевшая от страха Линь Мусинь. За её спиной, чёрной, бесформенной массой, топталась целая армия телохранителей — человек двадцать, не меньше. Они тяжело дышали после бега, и в дрожащем свете фонарей их длинные, уродливые тени метались по земле, сплетаясь в жуткий, дьявольский хоровод.

Линь Мусинь, едва завидев Гу Хэнчжи, бросилась к нему, как коршун, и вцепилась мёртвой, нечеловеческой хваткой в его плечи. Пальцы её, униженные тяжёлыми, холодными кольцами, побелели от чудовищного напряжения.

— Где Сяоси?! — закричала она, и голос её, пронзительный, истеричный, срывающийся на визг, разнёсся зловещим эхом по пустынной, тёмной поляне. — Это ты! Ты, ты во всём виноват! Он твой брат, твой родной брат! Как ты мог?! Как ты посмел?!

Цзи Линьсюэ, не раздумывая ни доли секунды, ловким, почти неуловимым движением отдернул её побелевшие, скрюченные пальцы от Гу Хэнчжи.

— Госпожа Линь, — сказал он, и голос его, неестественно спокойный, ледяной, прозвучал особенно отчётливо и зловеще на фоне её истеричных, захлёбывающихся всхлипов, — Сяоси похитили. Гу Хэнчжи здесь совершенно ни при чём. Я прекрасно понимаю ваше состояние, но сейчас главное — не терять голову, не тратить драгоценное, быть может, последнее время на пустые, ничем не обоснованные обвинения.

Шэнь Шаоянь, вынырнувший откуда-то из темноты, тоже встрял в этот разговор, отчаянно размахивая руками и пытаясь утихомирить разбушевавшуюся фурию:

— Тётя Линь, — залепетал он, захлёбываясь словами, — Хэн-гэ, он же не такой, он бы никогда! Ни за что на свете! Сейчас главное — Сяоси найти, вытащить оттуда, понимаете?

Но Линь Мусинь, казалось, вообще не слышала никого. Она раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, заламывая руки, выкручивая их в суставах, и из её груди вырывались бессвязные, безумные, пугающие слова:

— Мой Сяоси... мой мальчик... мой маленький... Гу Хэнчжи, отдай мне моего сына! Верни его! Слышишь, верни!

Она снова рванулась вперёд, но Гу Хэнчжи, уже наученный горьким опытом, ловко, как тореадор, уклонился. В глазах его, освещённых мертвенно-жёлтым, больничным светом фонаря, застыл холодный, колющий, арктический лёд.

— Мне это не нужно, — отрезал он, чеканя каждое слово, словно вбивая гвозди в крышку гроба. — Ваши дешёвые, бездарные спектакли меня не интересуют. Если хотите, чтобы ваш сын остался жив, прекратите эту клоунату и начинайте действовать. Каждая минута промедления может стоить ему жизни.

Линь Мусинь замерла, и в глазах её, расширенных до невозможности, диких от ужаса, мелькнуло что-то звериное, первобытное, хищное.

И в этот самый момент, разрушая напряжённую, звенящую, как натянутая струна, тишину, резко и оглушительно зазвонил телефон.

Линь Мусинь, трясущимися, негнуцимыми пальцами, схватила его, поднесла к уху, и в следующее мгновение лицо её исказилось в беззвучном, страшном плаче:

— Фэнъянь! — зарыдала она в трубку, захлёбываясь слезами и словами. — Сяоси пропал! Я знаю, знаю, я уверена, это Гу Хэнчжи! Это он, он! Приезжай скорее, спаси своего сына! Мы в отеле «Горячий источник», да, да, приезжай немедленно!

Она продиктовала адрес и, всё ещё всхлипывая, протянула телефон кому-то из телохранителей. Тот, выслушав приказ, коротко кивнул, и вся чёрная стая, до этого бестолково топтавшаяся на месте, сорвалась с места и, громко топая, скрылась в саду, в темноте. Остались только двое — по бокам от рыдающей, обессиленной Линь Мусинь.

— Ну, здесь, кажется, без нас справятся, — Шэнь Шаоянь осторожно, боязливо, тронул Гу Хэнчжи за локоть. — Пойдём, а? Чего мы тут...

Гу Хэнчжи бросил последний, долгий, тяжёлый взгляд на тёмный сад, на чёрные, зловещие провалы между деревьями, и коротко, едва заметно, кивнул.

— Идём.

Они молча, не проронив ни слова, ни звука, вернулись в отель. Щёлкнул электронный замок, дверь номера с тихим шипением открылась, и они уже собрались войти, как вдруг Гу Хэнчжи замер на пороге, словно вкопанный.

— Мне пришло сообщение, — сказал он, и голос его звучал странно, глухо, неживым, чужим.

Он разблокировал телефон и развернул экран так, чтобы видели все. На нём, на белом, слепящем фоне, чётко и недвусмысленно, безжалостно, значилось несколько коротких строк. Коротко, ясно, страшно до холодного пота.

Требование: прийти одному. Адрес — тот самый заброшенный, давно мёртвый завод, что стоял за садом, почти у самого леса, утопая во мраке. И зловещее, как приговор, предупреждение: если увидят полицию или телохранителей, ребёнка убьют. Немедленно.

Цзи Линьсюэ почувствовал, как кровь резко, рывком, отлила от лица. Сердце его пропустило один удар, второй, а потом забилось где-то в горле, бешено, отчаянно, готовое вырваться наружу.

— Ты не пойдёшь, — выдохнул он, и голос его, против ожидания, прозвучал неожиданно твёрдо, даже жёстко.

Все взгляды мгновенно, как по команде, устремились на него.

Цзи Линьсюэ, понимая, что чуть не выдал себя, что сказал лишнее, поспешно, но, стараясь говорить как можно спокойнее и убедительнее, пояснил:

— Это же очевидная ловушка. Элементарная. Они специально хотят, чтобы ты пришёл. Чтобы поймать в сети. Туда нельзя идти. Это слишком опасно.

Он знал, что говорит. Знал лучше, чем кто-либо другой в этом мире. Именно из-за этого проклятого похода, из-за этого идиотского, безумного, но такого благородного поступка Гу Хэнчжи на всю жизнь останется хромым, навсегда прикованным к боли. Именно тогда, на этом забытом богом и людьми заводе, с ним случится то непоправимое, что навсегда изменит его, искалечит душу, превратит в того самого монстра, которого он, Цзи Линьсюэ, так ненавидел, читая книгу.

Гу Цзыси похитили враги его отца. Им нужны были не просто деньги. Им нужна была месть, дикая, слепая, всепоглощающая. Они хотели, чтобы Гу Фэнъянь остался без наследников,

чтобы род его навсегда пресёкся, чтобы боль, которую он причинил им, вернулась к нему сторицей, отравив остаток жизни. И Гу Хэнчжи, этот безумец, этот самоубийца, собрался идти прямо в их пасть, прямо в самое пекло.

— Точно, — подхватил Шэнь Шаоянь, энергично, как болванчик, закивал головой. — Снежок дело говорит, сто пудов. Там же одни бандиты, злые, страшные! А у Сяоси вон сколько народу, и охрана, и папа с мамой приедут, всё будет пучком, не переживай ты так.

— Хэнчжи, — вмешался и Лу Юй, и голос его, всегда спокойный, рассудительный, даже флегматичный, сейчас звучал непривычно тревожно, взволнованно, — не ходи. Это действительно ловушка. Им нужен ты.

Гу Хэнчжи молчал. Секунды тянулись бесконечно долго, превращаясь в минуты. А потом, неожиданно, лицо его расслабилось, чудовищное напряжение последних часов ушло, и он пожал плечами с таким видом, будто речь шла о чём-то совершенно неважном, не стоящем и ломаного гроша.

— Не бойтесь, — усмехнулся он, но усмешка вышла натянутой, фальшивой, до скрежета зубовного. — Я не пойду. Спокойной ночи.

Он скрылся за дверью своей комнаты. Остальные ещё долго стояли в коридоре, прислушиваясь к малейшим звукам, боясь, что он выскочит, как чёртик из табакерки, и побежит в ночь, но в номере было тихо, ни шороха. Только когда стрелка часов перевалила далеко за полночь, они, немного успокоившись, разошлись по своим комнатам, терзаемые смутными предчувствиями.

В гостиной, погружённой в непроглядный, густой, как дёготь, мрак, было тихо, как в склепе. Тонкая, дрожащая полоска света из-под двери спальни Гу Хэнчжи погасла ещё час назад. Казалось, все спят без задних ног.

Но ровно в половине второго дверь одной из спален на первом этаже бесшумно, без единого скрипа, приоткрылась, и чёрная тень, скользнув вдоль стены, бесследно исчезла в ночи, растворилась в ней.

Заброшенный завод за садом встретил его гробовой, могильной тишиной и тяжёлым, спёртым запахом сырости, ржавого металла и чего-то ещё, сладковато-приторного, тошнотворного, отчего подкатывал ком к горлу. Лунный свет, с трудом пробиваясь сквозь грязные, разбитые, похожие на глазницы черепа окна, выхватывал из липкой темноты жуткие, бесформенные очертания: обломки древних станков, груды строительного и не только мусора, ржавые, тяжёлые цепи, бесшумно раскачивающиеся под потолком, словно призрачные удавки.

В одной из комнат, куда свет почти не проникал, двое мужчин — один коренастый, плотный, как бочонок, другой долговязый, жилистый, похожий на скелет, обтянутый кожей — о чём-то тихо, зловеще переговаривались, то и дело озираясь по сторонам.

— Отправил? — спросил коренастый, нервно покусывая сухую травинку, зажатую в зубах.

— Ага, — отозвался долговязый, довольно скалясь. — Доставили оба, как миленькие. Если этот хмырь, папаша, не полный идиот, скоро припрётся с баблом, как штык. А мы тут пока посидим, косточки разомнём, подождём.

— А с пацаном что делать? — коренастый кивнул в сторону запертой на тяжёлый засов двери.
— Уверен, что его братец, старшенький, не стукнет папаше? Не настучит?

— Да брось ты, — отмахнулся долговязый, сплёвывая на пол. — Там такие тёрки в семье, что они друг друга на дух не переносят. Этот, старший, там вообще никто, пустое место. Не придёт он, сто пудов. Ему плевать на этого мелкого.

— А если всё-таки придёт? — не унимался коренастый. — Он же брат, как-никак, кровь, не чужой.

— Брат? — хмыкнул долговязый, и в голосе его зазвучала неприкрытая насмешка. — Был бы братом — не гнобили бы его так, как шелудивого пса. Расслабься, я тебе говорю, никто не придёт. Спорим?

В соседней комнате, скорчившись в самом тёмном углу, с завязанными глазами и мерзким, вонючим кляпом во рту, сидел Гу Цзыси. Он дрожал всем своим маленьким тельцем, пытаясь изо всех сил не плакать, не всхлипывать, не выдавать себя, но слёзы, против воли, против отчаянных усилий, текли по щекам, пропитывая грубую ткань повязки, заливая рот солёной влагой.

Вдруг, сквозь пелену ужаса и отчаяния, он услышал лёгкий, едва уловимый, почти призрачный скрежет. Кто-то очень осторожно, стараясь не шуметь, открывал окно. Сердце его забилося ещё сильнее, ещё отчаяннее, грозясь выпрыгнуть из груди, разорвать рёбра.

Чья-то тень, почти невесомая, бесшумно скользнула внутрь, в непроглядный мрак комнаты. Гу Цзыси почувствовал, как чьи-то прохладные, но невероятно нежные руки коснулись его лица, и в следующую секунду мокрая, липкая повязка упала, а кляп исчез. Он с трудом, сквозь пелену слёз, распахнул глаза и чуть не вскрикнул от изумления, от дикой, невероятной, почти болезненной радости.

Перед ним, прижав палец к губам в умоляющем жесте, стоял Цзи Линьсюэ.

— Тсс, — прошептал он одними губами, и голос его, такой спокойный, такой уверенный, такой родной, подействовал на мальчика сильнее любого, самого лучшего успокоительного в мире. — Не кричи, малыш. Тихо. Всё будет хорошо. Я здесь.

Гу Цзыси часто-часто, как китайский болванчик, закивал, судорожно глотая слёзы и изо всех

сил сдерживая рвущиеся наружу, душащие его рыдания. Цзи Линьсюэ ловко, почти не делая лишних, резких движений, одним движением ножа перерезал тугие верёвки.

— Идти можешь? — спросил он едва слышным шёпотом, наклонившись к самому уху.

— Могу, — выдохнул Гу Цзыси, но тут же, по-детски честно, признался: — Только ноги... ноги совсем ватные, не слушаются, дрожат.

Цзи Линьсюэ, не говоря ни слова, легко, как пушинку, подхватил его на руки.

— Ге Линьсюэ, — прошептал мальчик, благодарно прижимаясь к его тёплому, надёжному плечу, зарываясь лицом в его шею, — это Брат тебя послал? Он правда волнуется за меня?

— Да, — тихо, но твёрдо ответил Цзи Линьсюэ, погладив его по мягким, взлохмаченным волосам. — Очень волнуется. Очень. Пойдём, нам нужно торопиться.

Они уже почти выбрались из цеха, из этого чрева смерти, когда внезапно, словно удар молнии среди ясного неба, пространство перед ними озарилось ослепительным, безжалостным, режущим глаза светом мощного прожектора.

Цзи Линьсюэ, инстинктивно, не думая, заслонил рукой глаза Гу Цзыси и, мучительно щурясь, вгляделся в источник этого слепящего света, пытаясь разглядеть того, кто стоял за ним.

Из непроглядной, вязкой темноты, шагнув в круг резкого, белого света, как на сцену, вышли двое. Один — низкорослый, юркий, с бегающими, как у крысы, глазками и нервными, дёргаными движениями. Другой — настоящая гора мышц, с холодным, ничего не выражающим, мёртвым взглядом профессионального убийцы.

— Ого, — протянул низкорослый, и голос его, противный, скрипучий, как несмазанная телега, гулко разнёсся под высокими, тёмными сводами цеха. — А я уж думал, никто не придёт, придётсЯ нам с тобой, Абинь, самим развлекаться. А тут, оказывается, ещё и сюрприз, нежданчик.

— Кто вы? — голос Цзи Линьсюэ звучал ровно, без тени страха, хотя сердце его бешено колотилось где-то в горле.

— Мы-то? — хмыкнул низкорослый, делая шаг вперёд, поближе к свету. — А вот ты кто такой, интересно? И где же обещанный братец, красавчик?

Он вгляделся в лицо Цзи Линьсюэ и громко, на весь цех, присвистнул.

— Ты не Гу Хэнчжи, — констатировал он с нескрываемым, даже каким-то обидным удивлением.

— Ты вообще кто, парень? Из семейки Гу? Сродственник, что ли?

— Неважно, — оборвал его Цзи Линьсюэ, инстинктивно, по-звериному, прикрывая собой Гу Цзыси, вжимая его в себя. — Я здесь, чтобы забрать мальчика. И я его заберу. Прямо сейчас.

Низкорослый расхохотался — противно, визгливо, заливисто, как гиена.

— Слышь, Абинь, — обратился он к своему молчаливому напарнику, утирая выступившие от смеха слёзы, — пацан, а туда же, с угрозами, с требованиями! Всыпь ему как следует, чтоб неповадно было в чужие дела нос совать.

Верзила, поигрывая могучими, как брёвна, мышцами, медленно, с явным, звериным удовольствием, двинулся в их сторону.

Цзи Линьсюэ, не оборачиваясь, чувствуя спиной каждое его движение, тихо, но отчётливо, приказал Гу Цзыси:

— Сейчас я тебя отпущу. Как только я сделаю шаг вперёд, беги что есть сил назад, к людям, к свету. И не оглядывайся, слышишь? Ни в коем случае. Беги и не останавливайся.

— А ты? — в глазах мальчика, огромных, испуганных, снова заблестели слёзы.

— Со мной всё будет хорошо, — Цзи Линьсюэ на мгновение обернулся и ободряюще, как мог, улыбнулся. — Обещаю. Беги.

Верзила рванул вперёд, как разъярённый бык. Цзи Линьсюэ, резко развернувшись и заслонив собой Гу Цзыси, в следующее мгновение принял на себя его сокрушительный, чудовищной силы удар.

Этот верзила, в отличие от тех жалких, никчёмных подонков, с которыми ему приходилось сталкиваться раньше, был настоящим, хладнокровным профессионалом. Он бил быстро, сильно, расчётливо, почти не целясь, вкладывая в каждый удар всю свою нечеловеческую, звериную мощь.

Цзи Линьсюэ, блокируя удары, чувствовал, как немеют, наливаются свинцом руки, как с каждой секундой, с каждым пропущенным ударом ему всё труднее удерживать оборону, как силы тают, утекают, как песок сквозь пальцы.

И вдруг, сквозь шум крови в ушах, сквозь адскую боль в рёбрах, он услышал отчаянный, леденящий душу крик Гу Цзыси:

—Брат! Спаси! Помоги!

Он резко, через силу, обернулся и увидел, что низкорослый, воспользовавшись суматохой, схватил мальчика своими цепкими, грязными лапами и тащит его, упирающегося, кричащего, куда-то в непроглядную темноту.

Рванувшись к нему, на помощь, он наткнулся на непреодолимую стену из мышц и животной злобы. Верзила, довольно ухмыляясь, снова преградил ему путь, и в глазах его, маленьких, глубоко посаженных, плясали дьявольские, бесовские огоньки.

— Слабо, — оскалился он, обнажая жёлтые, прокуренные зубы, и снова, со всей дури, замахнулся.

И тут, словно ангел-мститель, словно посланник небес, из самой густой, беспросветной темноты вынырнула ещё одна фигура. Гу Хэнчжи, с перекошенным от ярости, от дикой, всепоглощающей злобы лицом, с разбегу, со всей силы, врезался ногой в спину низкорослого, выбивая из его рук брыкающегося, плачущего Гу Цзыси.

— А-а-а, падла! — завопил низкорослый, мешком валясь на грязный, бетонный пол. — Абинь! Они здесь, полиция! Уходим, быстро!

Верзила, мгновенно, как заправский стратег, оценив кардинально изменившуюся обстановку, перестал играть с Цзи Линьсюэ в кошки-мышки. Его удары стали ещё быстрее, ещё яростнее, ещё беспощаднее. Цзи Линьсюэ, измотанный до предела, до последней капли, пропустил один удар, второй, и вскоре железные, как тиски, пальцы сомкнулись на его горле, перекрывая дыхание, а к холодной, влажной коже безжалостно прижалось острое, как бритва, лезвие ножа.

— Отпусти его, сука! — заревел верзила, прижимая нож к незащитной шее, оставляя тонкую, багровую полоску. — Или он сдохнет здесь, прямо сейчас, на твоих глазах!

Гу Хэнчжи, державший в руках вырывающегося, визжащего низкорослого, замер, как вкопанный.

— Отпусти, я сказал! — рывкнул верзила, и лезвие, послушное его воле, чуть сильнее, на миллиметр, впилось в нежную кожу, и по ней потекла тонкая, алая, как рубин, струйка крови.

Тишина, казалось, длилась вечность, целую жизнь. А потом Гу Хэнчжи, с трудом разлепив пересохшие, потрескавшиеся губы, произнёс хрипло, обречённо, не веря в то, что говорит:

— Хорошо. Считаю до трёх. Отпускаем одновременно.

— Раз.

— Два.

— ОН ЗДЕСЬ! ЛЮДИ, ОН ЗДЕСЬ! СЮДА!

Дверь цеха с оглушительным, чудовищным грохотом распахнулась, и внутрь, словно разъярённая, неудержимая лавина, хлынули люди. Десятки телохранителей, вооружённых, злых, как черти, готовых на всё, жаждущих крови.

Глаза верзилы налились кровью, стали безумными, дикими.

— Всё... — прошептал он обречённо, понимая, что это конец. — Конец игре.

Из плотной, вооружённой до зубов толпы вышли Гу Фэнъянь и Линь Мусинь. Лицо Гу Фэнъяня было холодным, как камень, как ледяная глыба, как посмертная маска.

— Где мой сын? — спросил он, и голос его, ледяной, беспощадный, усиленный гулким, зловещим эхом мечущийся под высокими сводами цеха, прозвучал как смертный приговор. — Отпустите его. Немедленно.

И только тут, лишь в это мгновение, он, наконец, заметил в стороне, у самой стены, Гу Цзыси и Гу Хэнчжи. В глазах его, обычно холодных и непроницаемых, мелькнуло что-то, отдалённо похожее на удивление. Всего на миг, на долю секунды.

— Папа! — Гу Цзыси, вырвавшись из рук державших его телохранителей, со всех ног, спотыкаясь и падая, бросился к родителям. — Мама! Папа! Я здесь!

Линь Мусинь, рыдая навзрыд, раздирающе, прижала его к груди, вдавила в себя, словно боясь, что его снова отнимут.

— Сяоси! — голос её срывался на визг, перемежаясь всхлипами. — Сыночек мой, кровиночка! Ты жив! Ты цел! Слава богам!

— Я цел, мамочка, я цел, — Гу Цзыси, сам еле сдерживая слёзы, но изо всех сил стараясь быть взрослым и сильным, вытирал её мокрые, солёные слёзы своей маленькой, дрожащей ладонью. — Не плачь, пожалуйста, не надо...

Атмосфера в этой части цеха, освещённой тусклым, дрожащим светом фонариков, была пронизана щемящим, почти осязаемым теплом, облегчением и запоздалым ужасом. В другой же его части, там, где верзила всё ещё мёртвой хваткой сжимал в своих руках Цзи Линьсюэ, приставляя нож к его незащитному горлу, воздух звенел, вибрировал от чудовищного, нечеловеческого напряжения.

Окружённый со всех сторон десятками вооружённых телохранителей, верзила прекрасно понимал, что это конец. Крышка захлопнулась. Единственной его надеждой, единственным живым щитом, единственной соломинкой, за которую можно было уцепиться в этом тонущем

мире, оставался этот бледный, окровавленный, но невероятно спокойный парень, которого он сжимал в руках, как последний козырь.

— Гу Фэнъянь! — закричал он иступлённо, в диком отчаянии потрясая ножом перед собой. — Пятьсот тысяч! Всего пятьсот тысяч, и я его отпускаю! Слышишь? Он умрёт, если ты не заплатишь!

Гу Фэнъянь медленно, словно нехотя, перевёл взгляд на бледного, залитого кровью Цзи Линьсюэ. Взгляд его скользнул по нему равнодушно, как по пустому месту, и на тонких, брезгливо поджатых губах заиграла холодная, презрительная усмешка.

— Смешно, — бросил он равнодушно, почти лениво. — Я даже не знаю, кто это. Какой-то чужой, посторонний человек. С какой стати, скажи на милость, я должен платить за него?

Он не шутил. Он говорил абсолютно серьёзно. Если бы на месте Цзи Линьсюэ, в этих стальных тисках, с ножом у горла, оказался его сын, его драгоценный, единственный, обожаемый Гу Цзыси, он бы, не задумываясь, выложил любые деньги, отдал бы всё, что у него есть, лишь бы спасти его. Но этот чужой, незнакомый, никчёмный парень... какое ему, Гу Фэнъяню, до него дело?

Гу Цзыси, услышав эти слова, дёрнулся, попытался вырваться из рук матери, что-то отчаянно закричать, объяснить, но Линь Мусинь, испуганно ахнув и ещё крепче прижав его к себе, зажала ему рот ладонью, заглушая любые протесты.

— Тогда я убью его! — заорал верзила, и глаза его, безумные, налитые кровью, выпученные от ужаса и злобы, не оставляли ни малейших сомнений в серьёзности его чудовищных намерений. — Клянусь, я убью его прямо сейчас, на твоих глазах, Гу Фэнъянь! Считаю до трёх!

Лезвие ножа, послушное его дрожащей руке, ещё сильнее, ещё глубже впилося в беззащитную, нежную кожу шеи, и по ней, срываясь вниз за воротник, потекла тонкая, алая, как рубин, тёплая струйка крови.

— Отпусти его! — Гу Хэнчжи, не выдержав, шагнул вперёд, и голос его, сорвавшийся на отчаянный, душераздирающий крик, эхом заметался под мрачными, тёмными сводами цеха. — Возьми меня! Слышишь? Я ему нужнее, я ему важнее! Я сын Гу Фэнъяня! Меняй! Бери меня!

— Иди сюда, — оскалился верзила, обнажая жёлтые, прокуренные зубы в зверином оскале. — Иди, не бойся, иди сюда, красавчик.

Он, конечно, и не думал отпускать Цзи Линьсюэ. Он хотел получить ещё один живой козырь, ещё одну страховку, ещё одну душу, чтобы заслониться ею от неминуемой расплаты.

Гу Фэнъянь, глядя на своего старшего сына, на этого безумца, шагающего прямо в пасть к

зверю, с сожалением, смешанным с брезгливостью, покачал головой.

— Какой же ты глупый, — тихо, но отчётливо, почти с наслаждением, произнёс он, и слова эти, как пощёчина, хлестнули по воздуху.

Гу Хэнчжи, не обращая на него ни малейшего внимания, не слыша ничего, кроме бешеного стука собственного сердца, медленно, шаг за шагом, не отрывая взгляда от ножа, приставленного к горлу его друга, приближался к верзиле.

— Не подходи, — прохрипел Цзи Линьсюэ, чувствуя, как по шее течёт тёплая, липкая кровь, заливая рубашку. — Слышишь, Гу Хэнчжи? Не смей! Не подходи!

Но Гу Хэнчжи, не сводя глаз с этого проклятого ножа, не слыша его слов, продолжал идти.

Он был уже в двух шагах, когда один из телохранителей, незаметно, по-кошачьи, подкравшийся со спины, бесшумно вынырнул из темноты. Верзила, услышав едва уловимый шорох за спиной, на какую-то долю секунды, на миг, отвлёкся, рефлекторно дёрнул головой. И этой ничтожной, микроскопической доли секунды Цзи Линьсюэ хватило, чтобы, собрав остатки сил, резко, со всей дури, ударить его головой в переносицу, а затем, ловко вывернувшись из ослабших рук, перехватить его запястье и вырвать нож.

Нож со звоном, похожим на погребальный колокол, упал на грязный, бетонный пол. Обезоруженного, ошеломлённого верзилу мгновенно скрутили, повалили на землю и намертво прижали к холодному бетону.

Цзи Линьсюэ, тяжело, со свистом, дыша, на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как адреналин медленно отпускает, оставляя после себя лишь ломоту и боль. Получилось. Ему удалось. Он сделал это. Он изменил ход событий, предначертанных в проклятой книге. Ключевой момент сюжета, тот самый, роковой, что должен был навсегда искалечить Гу Хэнчжи, оставить его хромым на всю жизнь, был предотвращён. Чудом, но предотвращён.

Он открыл глаза и, через силу, через дикую боль во всём теле, слабо, едва заметно, улыбнулся. Посмотрел на Гу Хэнчжи, который всё ещё стоял, не в силах пошевелиться, и смотрел на него так, будто видел перед собой привидение, выходца с того света.

— Гу Хэнчжи, — выдохнул Цзи Линьсюэ, и голос его прозвучал тихо, устало, но счастливо. — Всё кончено. Слышишь? Мы справились. Я же говорил...

И в это самое мгновение, когда напряжение, казалось, уже спало, когда все выдохнули с облегчением, откуда-то сбоку, из самой густой, непроглядной темноты, стремительно, как молния, взметнулась вверх тяжёлая, ржавая стальная арматура.

Цзи Линьсюэ, краем глаза, периферийным зрением, заметив это стремительное, смертоносное

движение, не думая, не раздумывая ни доли секунды, не взвешивая риски, рванулся вперёд, выбросив вперёд руки, и заслонил собой замершего, ошеломлённого Гу Хэнчжи.

Удар чудовищной силы пришёлся ему прямо в спину, чуть ниже лопаток.

Отчётливый, леденящий душу, страшный хруст ломаемых костей разнёсся под высокими, тёмными сводами цеха, заглушая собой все остальные звуки, заглушая крики, заглушая саму жизнь.

<http://bllate.org/book/16531/1569382>